

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129>**Проблемы отбывания принудительных медицинских мер, соединенных с наказаниями без изоляции от общества****А. А. Савин¹** ✉

¹Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России
ул. Большая Нижегородская 67Е, г. Владимир 600020, Российская Федерация

✉ e-mail: aasavin33@mail.ru

Резюме

Актуальность. Учитывая, что заболевания психики, как это принято считать, относятся к негативным факторам на пути развития общества, государство предпринимает небезрезультатные шаги по сдерживанию подобных заболеваний и одновременно избавляется от уже диагностированных случаев путем применения различных методик лечения и профилактики. Учитывая, что ежегодно меры уголовно-правового воздействия без изоляции от общества назначаются более чем в 70% случаев вынесенных обвинительных приговоров, вопрос соединения их с лечением лиц, у которых диагностировано психическое заболевание, просто необходимо. В научном сообществе неоднократно обсуждалось и выводы носили примерно одинаковый характер о том, что совершающее преступление лицо с большей долей вероятности обладает признаками «отклоняющегося» поведения, что говорит о нуждаемости в его, как минимум, диагностировании. Как уже неоднократно обсуждалось и, по сути, стало аксиомой – наличие заболевания психики у человека повышает вероятность совершения им противоправного деяния.

Целью исследования является формирование научных представлений о процессах соединения медицинских принудительных мер с безызоляционными наказаниями.

Задачи: изучение положений судебной практики; выявление проблем корреляции мер медицинского характера с наказаниями без изоляции от общества и их исполнение; формулирование предложений по разрешению указанных правовых пробелов.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования заключаются в предложении существенно дополнить теорию об институтированных принудительных медицинских мер в частности и мер уголовно-правового воздействия в целом.

Выводы. Проведенное исследование позволило нам утверждать о необходимости возложения обязанности на осужденное лицо, при наличии достаточных оснований, обязанности пройти лечение от психического заболевания. Кроме того, необходимо введение ответственности в уголовное законодательство за уклонение от исполнения такой обязанности, одновременно обозначая субъект контроля за исполнением.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; осуждение; корреляция; медицинское наблюдение; изоляция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Савин А. А. Проблемы отбывания принудительных медицинских мер, соединенных с наказаниями без изоляции от общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 114–129. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129>.

Поступила в редакцию 01.08.2021

Принята к публикации 09.09.2021

Опубликована 22.10.2021

Problems of Serving Compulsory Sentences Medical Measures Related to with Punishments Without Isolation from Society

Andrey A. Savin¹ ✉

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str. Vladimir 600020, Russian Federation

✉ e-mail: aasavin33@mail.ru

Abstract

Relevance. Given that mental illnesses, as it is commonly believed, are negative factors in the development of society, the state takes not inconclusive steps to contain such diseases and at the same time gets rid of already diagnosed cases by applying various methods of treatment and prevention. Taking into account that every year measures of criminal-legal influence without isolation from society are prescribed in more than 70 % of cases of convictions, the question of combining them with the treatment of persons diagnosed with mental illness is simply necessary. In the scientific community, it has been repeatedly discussed and the conclusions were approximately the same that the person committing the crime is more likely to have signs of "deviant" behavior, which indicates that it is necessary to at least diagnose it. As has been repeatedly discussed and, in fact, has become an axiom – the presence of a mental illness in a person increases the likelihood of committing an illegal act.

The purpose of the study is to form scientific ideas about the processes of combining medical coercive measures with non-isolation punishments.

Objectives: to study the provisions of judicial practice; to identify the problems of correlation of medical measures with punishments without isolation from society and their implementation; to formulate proposals to resolve these legal gaps.

Methodology. In the process of working on the research, both general scientific methods (analysis, synthesis) and methods of legal science (formal legal, comparative legal) were used.

The results of the study are a proposal to significantly supplement the theory of the institution of compulsory medical measures in particular and criminal law measures in general.

Conclusions. The conducted research allowed us to assert that it is necessary to impose a duty on a convicted person, if there are sufficient grounds, to undergo treatment for a mental illness. In addition, it is necessary to introduce responsibility in the criminal law for evading the performance of such a duty, while at the same time designating the subject of control over the performance.

Keywords: compulsory medical measures; conviction; correlation; medical supervision; isolation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Savin A. A. Problems of Serving Compulsory Sentences Medical Measures Related to with Punishments Without Isolation from Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 114–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129>.

Received 01.08.2021

Accepted 09.09.2021

Published 22.10.2021

Введение

Назначение меры уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления имеет определяющее значение при установлении характера последствий, предполагающих изменение правового положения лица. Последствия различаются в зависимости от назначенной меры воздей-

ствия. Виды и объем правоограничений достаточно разнообразны [1, с. 29–32], что и определяет индивидуализацию уголовной ответственности.

Наше краткое исследование затрагивает принудительные меры медицинского характера, которые, как неоднократно указывалось в научной литературе, являются мерами безопасности [2, с. 51].

Нами уже отмечено, и данный факт подтверждается научными исследованиями, – повышенная вероятность совершения противоправных деяний присутствует среди лиц, у которых диагностировано психическое заболевание [3, с. 24–29]. Принимая во внимание, что в настоящее время вопросы соединения принудительных мер медицинского характера с наказаниями без изоляции от общества законодательно слабо отрегулированы, анализируемый нами аспект затрагивает необходимость оценки объема правоограничений, возлагаемых на осужденного в период отбывания назначенной ему меры. Правоограничения представляют собой совокупность обязанностей, ограничений, запретов и предписаний, определяющих непосредственные условия течения назначаемой меры. Необходимо учитывать, что произвольное и несоразмерное ограничение прав гражданина недопустимо.

Рассматривая правоограничения лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказанием, не связанным с лишением свободы, в первую очередь следует подвергнуть анализу содержание положений гл. 15 УК РФ. При этом надо учитывать, что указанное соединение возможно лишь с медицинской мерой, предполагающей амбулаторное лечение. Здесь нельзя не упомянуть о том, что целью рассматриваемых медицинских мер является не только предупреждение совершения лицом новых деяний, что является юридической целью, но и излечение лица или улучшение его психического состояния как цель медицинская [4, с. 109–110]. Содержательную сторону такого вида лечения без круглосуточного медицинского наблюдения отражает приказ Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н.

Правоограничения каждой меры уголовно-правового воздействия обусловлены ее режимом. В теории уголовного права под режимом такой меры, как пра-

вило, понимается правопорядок ее реализации, состоящий в соблюдении осужденным предписаний [5, с. 33–37]. Именно он и предусматривает изменение правового положения лица, к которому применена конкретная мера.

Методология

Для решения поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Методология настоящего исследования во многом базируется на таких общелогических методах, как анализ и синтез, что позволяет сравнивать и противопоставлять буквальное и системное толкование правовых актов. Используя их, автор провел детальный анализ проблематики, связанной с корреляцией принудительных мер медицинского характера и наказаний без изоляции от общества.

Формально-юридический метод исследования заключался в изучении российского законодательства и судебной практики, регулирующих правоотношения в исследуемой области, в результате чего и сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства.

Результаты и их обсуждение

Сущность принудительных мер медицинского характера состоит в применении лечения к лицам, страдающим психическими заболеваниями. Сам по себе факт совершения преступления не является нормой поведения и свидетельствует о наличии у лица признаков отклоняющегося поведения [6, с. 786–788], что часто говорит о наличии у него психической проблемы. Соблюдение обязанности по прохождению лечения со стороны осужденных представляет собой некую точку опоры, обеспечивающую достижение целей применяемой меры. Обязанность определяет поведение лица, формируя рамки дозволенного и обязующего в целях обеспечения ее соблюде-

ния. При ее реализации осужденные обязаны выполнять все предписания лечащего врача в рамках мероприятий и процедур, проводимых с ними.

В соответствии с ч. 1 ст. 26 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 при лечении в амбулаторных условиях, в зависимости от медицинских показаний, проводятся мероприятия по профилактике, диагностике, лечению, а также медицинской реабилитации и диспансерному наблюдению. Перечисленные мероприятия достаточно разнообразны и всесторонне направлены на решение задач для достижения единой цели.

Профилактика состоит в сохранении, укреплении здоровья человека и предупреждении заболеваний. Содержание приказа Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н разъясняет, что она осуществляется в том числе медицинскими организациями через разработку и реализацию системы мер правового, экономического и социального характера.

Диагностика представляет собой проверку наличия или отсутствия заболевания путем проведения исследований пациента, которые могут быть различными и включать результаты опроса и осмотра лица, всевозможных лабораторных и иных исследований. Сбор данных проводится как до постановки диагноза, так и в период лечения после его диагностирования. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 102 УК РФ освидетельствование осужденного, к которому применена принудительная мера медицинского характера, проводится не реже одного раза в шесть месяцев, а при необходимости – и чаще. Оно осуществляется по результатам проведения диагностики и само по себе является также ее этапом.

В свою очередь, лечение состоит в применении методик устранения или облегчения проявлений болезни, предусматривающих проведение различных видов биологической терапии с применением психотропных веществ, шокотерапию, витаминотерапию, диеты и т. д. В части рассмат-

риваемого вида принудительной меры медицинского характера выделяют три основных вида такой терапии: купировавшая – направленная на полное устранение проявлений заболевания и формирование стойкой ремиссии; корректирующая – при тяжелом невротическом состоянии, расстройстве личности астенического круга с тенденцией к частым декомпенсациям, а также при ремиссиях со стойкими психопатоподобными изменениями; поддерживающая – нацеленная на стабилизацию состояния. Все виды терапии предусматривают медикаментозное лечение с применением лекарственных средств, разница состоит лишь в дозировке от большей к меньшей соответственно. В амбулаторных условиях лечение направлено на стабилизацию состояния лица, его улучшение и углубление ремиссионных проявлений.

Последний этап оказания психиатрической помощи в амбулаторных условиях – это медицинская реабилитация. Она заключается в полном или частичном восстановлении нарушенных, поддержке действующих, компенсации утраченных функций в процессе и после проведения лечения. Контроль за ведением здорового образа жизни, пресечение негативного влияния внешних и внутренних факторов, укрепление самоконтроля лица – все это является элементами реабилитации, которая проводится в период острой фазы заболевания. Нередко она состоит в проведении простых, на первый взгляд, бесед с психиатром, а также употреблении лекарственных препаратов.

Кроме того, как подчеркивается в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», реабилитация также направлена, в частности, на раннюю диагностику и профилактику заболевания, что в очередной раз свидетельствует о пересечении мероприятий, предполагаемых при амбулаторных условиях. Однако реабилитация лица без лечения все же предусмотрена, например,

при самостоятельном выходе лица из болезненного неврологического состояния.

Особое место в этой группе мероприятий занимает диспансерное наблюдение. Оно предполагает особый порядок наблюдения за пациентом, по сравнению с общим порядком амбулаторного лечения. В соответствии с п. 7 и 8 Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, утвержденного приказом Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н, оно предполагает проведение ежемесячного осмотра пациентов в первый год наблюдения и ежеквартального углубленного медицинского осмотра.

Вместе с тем принудительность лечения в амбулаторных условиях нивелирует такие особенности в отношении лиц, чье состояние учеными часто определяется как ограниченная или уменьшенная вменяемость [7, с. 184], к которым применены анализируемые меры. В соответствии с п. 1.4 приказа Минздрава России № 133, МВД России № 269 от 30 апреля 1997 г. «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами», не реже одного раза в месяц должны обследоваться врачом-психиатром лица, находящиеся на амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, а также включенные в группу активного диспансерного наблюдения. Тем самым происходит некоторое уравнивание указанных групп лиц, что вполне логично ввиду уголовно-правового характера проводимого лечения.

Проведенный анализ основных направлений оказания психиатрической помощи показал, что они могут быть в значительной степени разнообразными по видам проводимых процедур: при проведении профилактики или реабилитации – даже явка на беседу с врачом по вызову, при диагностике – например,

требование сдачи анализов, при лечении – строгое следование рецептам врача и употребление медикаментов. Вместе с тем строгое следование законным требованиям лечащего врача является важнейшим элементом достижения цели излечения или улучшения состояния пациента.

Участие в проведении процедур в рамках реализации указанных мероприятий является обязательным для осужденных, к которым применено принудительное лечение в амбулаторных условиях. Они, как мы видим, могут быть достаточно разнообразны и предусматривать не только непосредственно лечебные, но и другие процедуры, также являющиеся видами медицинской помощи. В свою очередь, уклонение от них является нарушением условий их назначения.

Таким образом, среди обязанностей, обусловленных назначением принудительных мер медицинского характера, следует выделить одну основную – соблюдение предписаний врача по лечению психического заболевания. Иные обязанности во всем их многообразии вытекают из указанного требования и являются обеспечивающими его.

Полученные сведения в очередной раз позволяют говорить о родстве принудительных мер медицинского характера с мерами уголовно-правового воздействия. Положения ст. 72.1, 82.1 УК РФ, ч. 3 ст. 18 УИК РФ, а также ст. 73 и 79 УК РФ в части, соответствующей обязанности при их применении, также указывают на необходимость следования предписаниям врача. Разница состоит лишь в том, что при применении указанных норм, как правило, используется формулировка «пройти курс лечения...».

Вместе с тем, исходя из медицинской терминологии, лечение является только частью оказываемой медицинской помощи, ее этапом, которому предшествует и который сопровождается и другими видами такой помощи. Несмотря на то, что в общем понимании лечение предполагает

ет применение комплекса мероприятий, охватываемых словосочетанием «медицинская помощь», использование термина «лечение» с юридических позиций искусственно зауживает объем обязанности, возлагаемой на осужденного. Этому способствует требование буквального толкования нормы права, которое в юридической литературе рекомендуется истолковывать в точном соответствии со смыслом и словооборотами, использованными законодателем [8, с. 194]. Согласно такому подходу мы должны обратиться к законодательству в области охраны здоровья, которое, в свою очередь, указывает на лечение как на вид медицинской помощи, а не как на ее совокупность в многообразии применяемых мероприятий.

Кроме того, применение только лечения не может показать высокий уровень эффективности без применения других составляющих медицинской помощи. В связи с этим полагаем, что применение формулировки «соблюдение предписаний врача по лечению» является более терминологически верным, чем словосочетание «пройти курс лечения...». Отсылка к врачу позволяет учитывать особенности конкретного заболевания, особенности проводимого курса лечения, реабилитации и профилактики, а также диагностики по результатам применяемых мер.

Однако простого провозглашения обязанности недостаточно, она должна быть надлежащим образом снабжена средствами ее реализации и обеспечения. Одним из таких средств могут выступать другие обязанности, возложенные в рамках приговора суда.

Все основные наказания, по нашему мнению, должны быть наделены возможностью соединения с принудительными мерами медицинского характера [9, с. 109–112]. Сама по себе принудительная мера медицинского характера не предусматривает других обязанностей, кроме указанной выше, вместе с тем со-

единение ее с уголовными наказаниями, не связанными с лишением свободы, предполагает возможности реализации их в целях обеспечения достижения поставленных целей. Безызоляционные наказания, в частности условное осуждение, являются самыми часто применяемыми в отечественном уголовном законодательстве, эффективность которых очевидна, что неоднократно отражалось в научных трудах [10, с. 3].

В соответствии с положениями ст. 45 УК РФ, законодатель предусмотрел возможность соединения наказаний путем одновременного их применения, тем самым происходит пересечение правоограничений, предусмотренных наказаниями [11, с. 45–49]. Аналогичным образом соединяется с ними и принудительная мера медицинского характера в соответствии с ч. 1 ст. 104 УК РФ. В таком случае исполнение этой меры неразрывно связано с назначенным наказанием.

Следуя данной логике, обязанность осужденных, обусловленная назначением принудительных мер медицинского характера, сама по себе не может быть реализована, она связана с требованиями, предъявляемыми к осужденным в связи с назначением уголовных наказаний. Такое совмещение обязанностей предусмотрено в рамках исполнения, например, наказания в виде лишения свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 116 УИК РФ уклонение от исполнения рассматриваемых медицинских мер является злостным нарушением порядка отбывания наказания, и за такое нарушение предусмотрена ответственность в виде применения мер взыскания на основании ст. 115 УИК РФ. Такой механизм распространяется и на меры обязательного лечения, закрепленные положениями ч. 3 ст. 18 УИК РФ, также в рамках ч. 1 ст. 116 УИК РФ.

Однако рассматриваемые нами наказания, альтернативные изоляции от общества, не предусматривают такой механизм обеспечения при соединении принудительных мер медицинского характера, что,

на наш взгляд, является пробелом в законодательстве. Исполнение предписаний, обусловленных обязанностью соблюдения предписаний врача по лечению психического заболевания, не отражается на отбывании основного наказания и не влияет на него никаким образом. Вместе с тем нарушение одной меры уголовно-правового воздействия, по нашему мнению, должно влиять и на реализацию другой меры. Этот вопрос становится более актуальным при соединении наказания и принудительной меры медицинского характера в связи с совершением одного преступления, что существенно не отражается и при сложении наказаний или приговоров.

В связи с этим необходимо соотнести обязанности, предусмотренные уголовными наказаниями без изоляции от общества, с обязанностью, следующей из положений гл. 15 УК РФ.

Лица, которым назначена принудительная мера медицинского характера, не освобождаются от отбывания наказания и на них распространяется вся совокупность предписаний, предусмотренных в отношении осужденных. По общему правилу предписания дифференцируются на общие, которые распространяются на всех осужденных, и специальные, закрепляющие суть конкретной меры уголовно-правового воздействия. Соответственно, и выбор варианта разрешения поставленного вопроса зависит от выбора места закрепления предписания по соблюдению рассматриваемых медицинских мер.

Общие предписания содержатся в положениях ст. 11 УИК РФ, предусматривающей общий перечень обязанностей всех категорий осужденных. Их анализ позволяет говорить о справедливости, но одновременно и размытости обязанностей: как правило, они имеют общий характер. Такой особенностью обладают большинство обязанностей.

Так, относительно соблюдения общегражданских обязанностей, норм поведения, требований санитарии и гигие-

ны, а также требований федерального законодательства и соответствующих ему нормативных правовых актов отметим, что осуждение к наказанию не освобождает лицо от общепринятых норм поведения в обществе, которые несколько ограничены нормами уголовного законодательства. Такие требования особенно актуальны в отношении лиц, осужденных к реальному лишению свободы, хотя их соблюдение распространяется и на осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Другие две обязанности: выполнять законные требования представителей учреждений и органов, исполняющих назначенные наказания, и вежливое отношение к другим лицам – являются производными от указанных обязанностей. Говоря о первой обязанности, отметим, что требования представителей учреждений и органов, исполняющих наказания, должны быть основаны на законе, а осужденные не должны подвергаться жестокому обращению для того, чтобы добиться от осужденного тех или иных действий [12, с. 45]. Вторая обязанность – вежливо относиться к другим лицам – также является важной ввиду того, что она приобщает к нормам общежития: обязанностью осужденных выступает проявление вежливого отношения к сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции, другим осужденным, иному персоналу учреждения, лицам, посещающим уголовно-исполнительные инспекции. В свою очередь, они имеют право на подобное обращение и к себе.

Лишь одна обязанность имеет указание на недопустимость конкретных действий – обязанность явки по вызову субъекта исполнения наказания и дачи объяснений по вопросам отбывания наказания. При этом регламентирована и ответственность при неявке в виде принудительного привода. Вместе с тем такой уровень ответственности выглядит сомнительным, скорее она представляет собой восстановление в положении.

Контроль за исполнением рассматриваемых требований, носящих обязательный характер, лежит на всех субъектах исполнения назначенного наказания.

Следующей группой обязанностей являются специальные обязанности. В отношении каждой меры уголовно-правового воздействия они отдельные, обладают специальным характером и направлены на достижение целей уголовных наказаний, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем все наказания имеют свою персональную платформу, определяющую их идентификацию, которая состоит в персональном наборе правоограничений.

Каждое наказание имеет одно основное правоограничение, которое дополняется другими, имеющими второстепенное значение. Так, уголовное наказание в виде штрафа состоит в наказании, выраженном в необходимости выплатить фиксированную денежную сумму по приговору суда; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в наложении ограничений занимать государственные должности, должности в органах местного самоуправления, заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, т. е. в правоограничениях, содержащих в отдельных случаях свои особенности; обязательные работы подразумевают выполнение бесплатных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы время, что предполагает свободу реализации конституционного права на труд по постоянному месту работы и принудительность вступления в иные отношения, обладающие свойствами трудовых, однако на безвозмездной основе, что является основной особенностью данного наказания и т. д.

Таким образом, разрешение поставленного вопроса возможно двумя путями – в рамках общих или специальных обязанностей. Ввиду того, что обозначенная проблема имеет отношение ко всем наказаниям,

целесообразным, на наш взгляд, является закрепление рассматриваемого предписания в рамках общих обязанностей.

Кроме того, о целесообразности такого подхода говорят и особенности самих наказаний в части обязанностей, предусмотренных ими. Анализ положений законодательства, регламентирующего назначение и исполнение перечисленных наказаний, свидетельствует об их существенной и порой принципиальной разнице, отражающейся на законодательном и правоприменительном уровнях. Так, одни наказания одномоментны или краткосрочны, другие, наоборот, имеют длительный срок исполнения, содержание одних предполагает условие отбывания наказания и ответственность, другие – нет и т. д. Это отражается на возможностях и карательном потенциале наказаний.

Кроме перечисленных обязанностей, ст. 11 УИК РФ устанавливает ответственность за нарушение законных требований учреждений и органов, исполняющих наказания, а также за неисполнение осужденными возложенных на них обязанностей (ч. 6). Требования и обязанности в первую очередь вытекают из содержания непосредственно самих наказаний, в связи с чем их и называют специальными.

Вместе с тем уголовное законодательство иногда не предусматривает существенных форм и видов ответственности в отношении осужденных, нарушивших указанные предписания, что не позволяет в должной мере реализовываться соответствующей норме права. Если к осужденным, находящимся в исправительных учреждениях, к которым в случае нарушения наложенных на них определенных обязательств может быть применено взыскание в соответствии с правилами внутреннего распорядка, то в отношении лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, применение кардинальных мер фактически невозможно, т. к. положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства

и соответствующих инструкций, регулирующих исполнение наказаний без изоляции от общества, не предусматривают возможности адекватной реакции на нарушение вышеуказанных общих обязанностей.

Между тем такая реакция необходима. На проблему соединения наказания и иных мер уголовно-правового характера указывает и И. В. Дворянсков [13, с. 29–35]. В связи с этим предлагаем кратко проанализировать промежуточный вариант, предусматривающий закрепление предписания по соблюдению условий исполнения принудительных мер медицинского характера в рамках ст. 11 УИК РФ и в перечне обязанностей отдельных наказаний, обеспечивающих режим их отбывания. Такой подход позволит всесторонне подойти к решению выявленной проблемы, о чем уже указывалось учеными [14, с. 65–72].

Аналогичные подходы применяются в действующем законодательстве. Так, в отношении осужденных к ограничению свободы законодатель предусмотрел возможность привлечения к ответственности в пределах назначенного наказания путем возможности его замены более строгим наказанием, а также в качестве состава преступления (ч. 1 ст. 314 УК РФ). Учитывая такой подход, полагаем целесообразным воспользоваться им и дифференцировать аналогичным образом.

Во-первых, учитывая общее направление положений ст. 11 УИК РФ, предлагаем закрепить в них обязанность осужденных соблюдать условия исполнения и отбывания принудительных мер медицинского характера. Вместе с тем рассмотренные положения данной статьи не предусматривают требование по соблюдению условий назначенных наказаний, что, на наш взгляд, также не является корректным. Учитывая результаты анализа содержания мер уголовно-правового воздействия, полученные в ходе рассмотрения принудительных мер медицинского характера, предлагаем применить термин «меры уголовно-правового характе-

ра» и ввести предписание в рамках ст. 11 УИК РФ.

Во-вторых, в случае соединения принудительных мер медицинского характера с обязательными работами, исправительными работами и ограничением свободы предлагаем регламентировать эту обязанность в положениях об этих наказаниях. Анализ перечисленных норм показывает, что данный вопрос должен решаться всесторонне путем закрепления соответствующей обязанности, а в случае ее нарушения – признания осужденного злостным нарушителем.

В-третьих, осужденные к таким наказаниям, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение по военной службе, должны подлежать ответственности в пределах Особенной части УК РФ. Такая норма в настоящее время закреплена в ч. 3 ст. 314 УК РФ, однако она ограниченного действия, распространяется только в отношении страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости.

Вместе с тем вопросы ответственности за нарушение предложенных нами обязанностей и совершения деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 314 УК РФ, в обозначенном контексте относится к аспекту реализации ответственности рассматриваемой категории лиц. Такой подход позволит учитывать нарушения примененной дополнительной меры уголовно-правового воздействия при отбывании основного наказания, т. е. всесторонне оценивать степень исправления осужденного.

Следует также поднять вопрос о соотношении основного и дополнительного наказаний, которые также исполняются независимо друг от друга. Учитывая, что это не относится к предмету настоящего краткого исследования, мы лишь акцентируем на нем внимание научной общест-

Кроме обозначенной проблемы, в контексте рассмотрения условий отбывания принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказаний без изоляции от общества, также следует обратиться и к вопросу о деятельности субъекта их исполнения. Он является неотъемлемой стороной режима назначенной уголовно-правовой стороны – важной составляющей процесса реализации решения суда. Даже наличие уголовного закона, казалось бы, вообще без изъянов не будет гарантом его идеального практического применения. На эту проблему еще в прошлом столетии указывал М. И. Ковалев, подчеркивавший, что не даст должного эффекта наличие хорошей правовой и судебной системы без хорошо организованной структуры по исполнению судебных решений и приговоров [15, с. 7]. Применительно к предмету настоящего исследования приведем мнение профессора Г. В. Назаренко, который отмечает ряд пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, касающихся регулирования вопросов исполнения принудительных мер медицинского характера [16, с. 166].

Результатом исполняемого решения суда является совокупность мероприятий в виде контроля за его исполнением осужденным и одновременно за исполнением возложенных на него обязанностей по прохождению принудительных мер медицинского характера. Совокупность норм УК РФ (ст. 102) и УИК РФ (ст. 18) определяют субъектом исполнения судебного решения при назначении рассматриваемых мер Федеральную службу исполнения наказаний в зависимости от вида назначенного наказания. Исполнителем так называемых изоляционных наказаний являются подразделения, исполняющие наказания, связанные с изоляцией от общества [17, с. 127]. В свою очередь, исполнением основной группы наказаний, альтернативных лишению свободы, занимаются уголовно-исполнительные инспекции, сущность деятельности которых, по мнению Н. С. Малолет-

киной, заключается в применении мер, по результатам реализации которых можно судить об особенностях объекта их наблюдения и оценке его соответствия предъявляемым требованиям [18, с. 19].

Статья 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» (с учетом изменений от 20 февраля 1999 г. № 199, от 28 марта 2010 г. № 190 и от 23 апреля 2012 г. № 360) гласит, что уголовно-исполнительные инспекции осуществляют исполнение наказаний в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, и меры пресечения в виде домашнего ареста. Однако отсутствие в этой норме указания на исполнение ряда других мер уголовно-правового воздействия не означает отсутствия таковых полномочий. В частности, среди указанных мер, исполнение которых на основании ст. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 входит в перечень задач уголовно-исполнительных инспекций, названы обязательные и исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, а также условное осуждение, отсрочка отбывания наказания без указания ее конкретного вида. Вместе с тем п. «г» вышеуказанной статьи предусматривает возможность и иных задач в соответствии с отечественным законодательством. Именно данным пунктом и предполагается возможность реализации положений ч. 2.1 ст. 102 УК РФ в отношении лиц, страдающих педофилией и подлежащих освобождению из мест лишения свободы, а также ст. 104 УК РФ в части соединения принудительных медицинских мер с безызоляционными наказаниями.

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций на сегодняшний день достаточно хорошо законодательно регла-

ментирована [19, с. 37]. Однако она имеет и существенные недостатки, связанные как с пробелами и противоречиями в правовом регулировании некоторых вопросов, так и с фактической неурегулированностью отдельных вопросов.

Так, до недавнего времени отсутствовала инструкция, регулирующая вопросы исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Напомним, положения о ней были введены в действующее законодательство в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, но соответствующая инструкция была утверждена лишь приказом Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г. Аналогично и в части уголовно-процессуальной меры в виде домашнего ареста: обязанность на уголовно-исполнительные инспекции по контролю за данной категорией лиц была возложена Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360, а инструкция была принята приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. Схожая проблема наблюдалась и относительно наказания в виде ограничения свободы – Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ и приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. Отметим, что до настоящего времени также отсутствует инструкция по исполнению положений ст. 72.1 УК РФ, введенной в соответствии с Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ и предусматривающей лечение от наркомании с прохождением курса медицинской и социальной реабилитации при осуждении к ряду наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Во всех случаях отмечаем продолжительный отрезок времени, прошедший с момента введения норм до появления инструкций по их исполнению.

В настоящее время схожая проблема наблюдается и в отношении исполнения принудительных мер медицинского характера: приказ, который утверждал бы

соответствующую инструкцию, отсутствует. Это порождает множество трудностей в практической деятельности уголовно-исполнительных инспекций, граничащих с нарушением прав и законных интересов лиц, к которым применены рассматриваемые меры. Таких нарушений выявляется, на наш взгляд, непропорционально много для государственной структуры, призванной, помимо прочего, обеспечивать права и законные интересы граждан. Так, за 2017 г. было внесено 3 597 актов прокурорского реагирования на выявленные нарушения деятельности, привлечено к ответственности 1 046 сотрудников, в 2016 г. – 3 322 и 1 101, в 2015 г. – 3 331 и 1 203. Подчеркнем, что за 2018, 2019 и 2020 гг. данные сведения были исключены из отчетности, в результате чего установить их количественные показатели не представилось возможным, что, кстати, в очередной раз актуализирует вышеуказанную проблему.

Кроме того, отсутствие инструкции может повлечь не только нарушение законности, это негативно сказывается и на эффективности достижения целей рассматриваемой меры, что способно повлечь обесценивание уголовно-правовых норм. В конечном итоге это может стать одной из составляющих фундамента недовольства общества деятельностью органов государственной власти.

Анализ правоприменительной практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций показывает, что те редкие случаи исполнения принудительных мер медицинского характера, фиксируемые отчетностью, исполняются уполномоченными органами аналогично смежным подходам: за основу, как правило, берутся отсрочка отбывания наказания больным наркоманией и условное осуждение.

В такой ситуации сотрудники уголовно-исполнительных инспекций фактически самостоятельно проводят мероприятия, предусматривающие контроль за данной категорией лиц (поведение, ле-

чение, соблюдение правопослушного образа жизни и т. д.). Несмотря на востребованность подобных мероприятий основания их проведения остаются неурегулированными с правовой точки зрения, что нередко может привести к совершению преступлений, предусмотренных, в частности, ст. 285 и 286 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, их превышение.

В связи с этим является необходимым разработать инструкцию, регламентирующую порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, что можно сделать двумя способами: дополнить уже действующую инструкцию или принять самостоятельную.

Первый вариант – дополнить уже действующую инструкцию главой – уже неоднократно применялся при регламентации деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Так, при введении в действие уголовного наказания в виде обязательных работ положения инструкции были размещены во вновь принятом приказе Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», регламентировавшем на тот момент исполнение ряда уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Второй вариант – принятие самостоятельной инструкции – также применялся в части деятельности органа, исполняющего принудительные меры медицинского характера. После введения в законодательство положений об ограничении свободы был принят приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258, регламентирующий исполнение уголовно-исполнительной инспекцией данного вида уголовного наказания.

Итак, объективно оценивая существующую ситуацию, оба варианта могут быть применены на равных началах. Вместе с тем полагаем наиболее целесообразной дифференциацию вопросов, рассматриваемых в нормативных актах, по наиболее важным направлениям. Так, нам не в полной мере ясен принцип, согласно которому положения инструкции об ограничении свободы не были введены в приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142, сменивший вышеуказанный приказ Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38, как это было ранее сделано в отношении положений об обязательных работах. Считаем, что подобное объединение способствует централизации не только вопросов нормативного регулирования, но и организационных вопросов.

В свою очередь, положения об отсрочке исполнения наказания наркозависимым лицам находятся в отдельном приказе обоснованно – в связи с изданием Минюстом России совместного приказа с Минздравом России, что и является главной причиной их самостоятельности относительно положений о других мерах уголовно-правового воздействия. Невозможно внести подобные дополнения совместным приказом в приказ одного ведомства, в данном случае Минюста России. В связи с вышеизложенным полагаем целесообразной разработку Минюстом России и Минздравом России совместной инструкции, регламентирующей порядок исполнения принудительных мер медицинского характера. Как совершенно справедливо отмечается в юридической литературе, деятельность правоохранительных органов должна быть основана на взаимодействии с психиатрической службой [20, с. 103].

При принятии решения о выборе варианта следует учитывать схожесть прохождения медицинских процедур в рассматриваемом нами случае с ситуацией,

связанной с большими наркоманией (приказ Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г.). Они регулируют применение к осужденным мер медицинского характера, разница состоит лишь в непосредственных мерах, что обусловлено видом заболевания. В целом же осуществляемые контрольные процедуры в значительной степени схожи.

В связи с этим концентрация положений об исполнении положений ст. 82.1 и гл. 15 УК РФ должна быть осуществлена в рамках разных глав одного приказа, что будет иметь позитивные последствия в части координации действий непосредственных субъектов исполнения мер уголовно-правового воздействия. Однако даже без учета проведения исследования по вопросу отсутствия инструкции по исполнению уголовно-исполнительными инспекциями положений ст. 72.1 УК РФ, основываясь на полученных заключениях, смеем предположить, что такая инструкция также должна быть совместной, разработанной Минюстом России и Минздравом России.

Выводы

Завершая наше исследование, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, обязанности осужденных, к которым применены принудительные меры медицинского характера, представляют собой совокупность требований, предъявляемых к осужденным и направленных на излечение заболеваний или улучшение состояние лица. Эти обязанности включают в себя совокупность требований по выполнению мероприятий, связанных с оказанием психиатрической помощи, включая профилактику, диагностику, лечение, а также медицинскую реабилитацию и диспансерное наблюдение. Их совокупная оценка позволяет объединить их в одну обязанность –

соблюдение предписаний врача по лечению, что дает возможность учитывать особенности конкретного заболевания и принимаемых мер.

Во-вторых, анализ вопросов реализации вышеуказанной обязанности позволил установить проблемы соотношения ее с обязанностями, предусмотренными наказаниями без изоляции от общества, в частности отсутствие такой связи, в результате чего было установлено следующее: нарушение условий отбывания одной меры уголовно-правового характера не влияет на течение другой, что является пробелом законодательства. В целях его устранения необходимо внесение соответствующих изменений в Уголовно-исполнительный кодекс, в частности в ст. 11, 26, 40, 50 и 58, а также в ч. 3 ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В-третьих, в связи с рассмотрением условий отбывания принудительных мер медицинского характера встал вопрос об их исполнении уполномоченными органами. В результате его изучения нами была выявлена проблема отсутствия нормативного акта, регулирующего деятельность субъектов исполнения анализируемых мер – уголовно-исполнительных инспекций, что негативно отражается как на их применении, так и исполнении. Рассмотрев возможные варианты разрешения выявленной проблемы, нами предлагается соответствующее дополнение приказа Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г., регулирующего порядок осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией, что обусловлено схожестью проявлений заболеваний и, соответственно, применяемых медицинских процедур.

Список литературы

1. Звонов А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 2. С. 29–32.
2. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2003. 174 с.
3. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1987. 206 с.
4. Попкова Е. А. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 227 с.
5. Салахова В. Б., Еняшина Н. Г., Романова А. В. Проблема девиантного поведения в современном обществе // Власть. 2016. № 11. С. 33–37.
6. Сербский В. П. Законодательство о душевнобольных // Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова. 1905. № 5. С. 786–788.
7. Ольховик Н. В. Изменение непенитенциарного режима // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 184–189.
8. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 243 с.
9. Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 109–112.
10. Скобелин С. Ю. Условное осуждение: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. 19 с.
11. Звонов А. В. Механизм взаимодействия системы уголовных наказаний: теоретические и практические вопросы соотношения основного и дополнительного наказания // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1(15). С. 45–49.
12. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Я. Гришко; науч. ред. С. Я. Лебедев. М.: Илекса, 2006. 686 с.
13. Дворянсков И. В. Уклонение от отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества: основания и виды ответственности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 5(216). С. 29–35.
14. Котов В. П., Мальцева М. М., Полубинская С. В. Правовые проблемы исполнения принудительных мер медицинского характера // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 65–72.
15. Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. Вып. 37. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1975. С. 7.
16. Назаренко Г. В. Регламентация принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 2(71). С. 164–168.
17. Савин А. А. Проблемы правовой урегулированности исполнения принудительных мер медицинского характера без изоляции от общества // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4(49). С. 127–130.
18. Малолеткина Н. С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 22 с.

19. Расторопов С. В., Звонов А. В., Пичугин С. А. Условное осуждение: законодательная регламентация и практика применения: монография / под общ. ред. С. В. Расторопова. М.: Юрлитинформ, 2013. 296 с.

20. Федорова Е. А. Предупреждение совершения новых деяний (преступлений) как цель применения принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-2. С. 102–104.

References

1. Zvonov A. V. Sistema ogranicenij i lishenij, predusmotrennyh otechestvennymi ugolovnymi nakazaniyami [The system of restrictions and deprivations provided for by domestic criminal penalties]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2017, no. 2, pp. 29–32.

2. Nazarenko G. V. Prinuditel'nye меры медицинского характера [Compulsory medical measures]. Moscow, Akad. nar. hoz-va pri Pravitel'stve Ros. Federacii Publ., Delo Publ., 2003. 174 p.

3. Antonyan Yu. M., Borodin S. V. Prestupnost' i psihicheskie anomalii [Crime and mental abnormalities]; ed. by V. N. Kudryavcev. Moscow, Nauka Publ., 1987. 206 p.

4. Popkova E. A. Prinuditel'nye меры медицинского характера, primenyaemye k psihicheski bol'nym: ugolovno-pravovoj i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty. Diss. kand. jurid. nauk [Compulsory medical measures applied to the mentally ill: criminal-legal and criminal-executive aspects. Cand. legal sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2005. 227 p.

5. Salahova V. B., Enyashina N. G., Romanova A. V. Problema deviantnogo povedeniya v sovremennom obshchestve [The problem of deviant behavior in modern society]. *Vlast' = Power*, 2016, no. 11, pp. 33–37.

6. Serbskij V. P. Zakonodatel'stvo o dushevnobol'nyh [Legislation on the mentally ill]. *Nevropatologiya i psikiatriya im. S. S. Korsakova = S. S. Korsakov Neuropathology and Psychiatry*, 1905, no. 5, pp. 786–788.

7. Ol'hovik N. V. Izmenenie nepenitenciarnogo rezhima [Changing the non-penitentiary regime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 400, pp. 184–189.

8. Tihonova S. S. Yuridicheskaya tekhnika v ugolovnom prave [Legal technique in criminal law]. Nizhnii Novgorod, Dekom Publ., 2008. 243 p.

9. Savin A. A. Prinuditel'nye меры медицинского характера, soedinennye s nakazaniyami bez izolyacii ot obshchestva: obshchie nachala ih realizacii [Compulsory medical measures combined with punishments without isolation from society: general principles of their implementation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2020, no. 1(54), pp. 109–112.

10. Skobelin S. Yu. Uslovnoe osuzhdenie: kriminologicheskij i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Conditional sentence: criminological and penal aspects. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2003. 19 p.

11. Zvonov A. V. Mekhanizm vzaimodejstviya sistemy ugolovnyh nakazanij: teoreticheskie i prakticheskie voprosy sootnosheniya osnovnogo i dopolnitel'nogo nakazaniya [The mechanism of interaction of the system of criminal penalties: theoretical and practical issues of the ratio of the main and additional punishment]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya = Crime investigation: problems and solutions*, 2017, no. 1(15), pp. 45–49.

12. Postatejnyj uchebnyj kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Article-by-article educational commentary to the Penal Code of the Russian Federation]; ed. by A. Ya. Grishko; nauch. red. S. Ya. Lebedev. Moscow, Ilekso Publ., 2006. 686 p.

13. Dvoryanskov I. V. Uklonenie ot otbyvaniya nakazaniy i inyh mer ugolovno-pravovogo haraktera, ne svyazannyh s izolyaciej ot obshchestva: osnovaniya i vidy otvetstvennosti [Evasion from serving punishments and other measures of a criminal nature not related to isolation from society: grounds and types of responsibility]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy = Sheets of the penal enforcement system*, 2020, no. 5(216), pp. 29–35.
14. Kotov V. P., Mal'ceva M. M., Polubinskaya S. V. Pravovye problemy ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Legal problems of enforcement of compulsory medical measures]. *Rossiiskij psixiatricheskij zhurnal = Russian Psychiatric Journal*, 2012, no. 5, pp. 65–72.
15. Kovalev M. I. K voprosu ob effektivnosti ugolovnogo zakonodatel'stva [On the question of the effectiveness of criminal legislation]. *Problemy effektivnosti ugolovnogo zakona [Problems of the effectiveness of criminal law]*. Sverdlovsk, Sverdl. yurid. in-t Publ., 1975, is. 37, pp. 7.
16. Nazarenko G. V. Reglamentaciya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Regulation of compulsory medical measures]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 21, no. 2(71), pp. 164–168.
17. Savin A. A. Problemy pravovoj uregulirovannosti ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera bez izolyacii ot obshchestva [Problems of legal regulation of the execution of compulsory medical measures without isolation from society]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4(49), pp. 127–130.
18. Maloletkina N. S. Uslovnoe osuzhdenie – forma realizacii ugolovnoj otvetstvennosti: problemy sushchnosti i ispolneniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conditional conviction – a form of realization of criminal responsibility: problems of essence and execution. Cand. legal sci. abstract diss.]. Chelyabinsk, 2011. 22 p.
19. Rastoropov S. V., Zvonov A. V., Pichugin S. A. Uslovnoe osuzhdenie: zakonodatel'naya reglamentaciya i praktika primeneniya [Conditional sentence: legislative regulation and practice of application]; ed. by S. V. Rastoropov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 296 p.
20. Fedorova E. A. Preduprezhdenie soversheniya novyh deyanij (prestuplenij) kak cel' primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Prevention of the commission of new acts (crimes) as the purpose of applying compulsory medical measures]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual problems of combating crimes and other offenses*, 2017, no. 17-2, pp. 102–104.

Информация об авторе / Information about the Author

Савин Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: Aasavin33@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8576-1196

Andrey A. Savin, Senior Lecturer of the Department of Public Law Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: Aasavin33@mail.ru,
ORCID 0000-0002-8576-1196